

Век Ленинград - 1990. - 13 дек.

ВЗГЛЯД КРИТИКА

ТЕАТРАЛЬНЫЙ Ленинград охватил затихшее. Все — от прославленных академических, драматических, кукольных и музыкальных театров выдержали месяц паузы, наполненной, надо полагать, возвышающей сосредоточенной работой и размышлениями о природе бытия. О ялотах творческой напряженности (уже заявленных в декабрьских «афишах») поговорим через месяц. Глза в сердце критика радовали лишь неустанность студийных поисков да разноцветье гастролеров. Событием сезона уже сейчас можно назвать затихшее все своим пульсирующим сиянием явление фестивалей-лабораторий «Школа. Опыт самостоятельного творчества» или, проще говоря, — сашестве на неские берега Анатолия Александровича Васильева и его учеников. Число последних было, прямо скажем, не двенадцать, в втвое меньше. Семь спектаклей показали они Мастеру.

Поразительным было не собственное художественное достижение — выдали мы авангард и покруче, нежели Украинское «О-О-В!». За первенство в хирургической обработке текста (от большой и неразделенной любви к нему) сражался «Белый театр» из Хабаровска и Молодежный из Львова. Первый показал бесконечное количество вариаций одного и того же сценария по пьесе Чонеско, второй отдал в пьесе Дюма некоторые мужские роли женщинам, некоторые женские — мужчинам, некото-

рые — нескольким актерам, а некоторым актерам — по несколько ролей. И все на украинском языке. А как же зритель? — спросите вы. И не получите ответа. Зритель, вадом валнивший на вакханалию киевского авангарда, все остальные безумные и рассудочные спектакли оставил без внимания. И был прав: они для него и не предназначались. Организаторы фестиваля преду-

ворают о принадлежности к «школе» и о сущности этой «школы»... Просто педагогическая поэма. Впрочем, каждый спектакль заслуживал отдельного серьезного разговора, каждый вызвал что-то принятое и что-то несогласие — а в целом как «школа», как некое единство, фестиваль засвидетельствовал лишь апломб и отсутствие потребности в собеседнике

ров-студий. Представлена зрителям студия «Черный квадрат» Галины Губановой, работавшая ранее в стенах Дворца молодежи. Там коллективом был создан спектакль «Победа над солнцем» — беспреедвственная и безраздудная попытка реконструкции спектакля 1913 года — своеобразного театрального манифеста футуристов: среди его авторов — К. Малевич, В. Хлебников...

противостоять чарам сна. Пути студийные непонятны.

И уже под самый конец месяца в малом зале СГД скопились зрители на самую неформальную премьеру на всех возможных: спектакль, поставленный Алексеем Бурого по повести В. Раскина «Кайфа», во-первых, еще не выпущен (профессиональному залу был показан предварительный, черновой прогон), во-вторых, он создается пока еще — а нкуда (ВОГМА уже не существует по распоряжению из центра СГД в последний момент предоставил площадку для репетиций: ни один театр еще не изъявил желание приобрести постановку...), в-третьих, режиссер и актеры действуют на сцене в ритм, жертвуют свободным временем, создавая спектакль из собственных подручных средств, на собственные деньги... Энтузиазм и бескорыстие не только заслуживают уважения — они оказались еще и плодотворными, результативными — об этом можно говорить даже судя по еще не отделанному до конца спектаклю. Незавершенность, неотшлифованность показанного «черновика» неожиданно стала самостоятельным художественным содержанием, своеобразной стилистикой, соответствующей и материалу, и проблеме «Кайфа». И это — предмет отдельного разговора.

А декабрь уж преподносит новые премьерные события...

Л. ПОЛОВ

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ТЕАТРАЛЬНОГО НОЯБРЯ

предли: лаборатория работает на себя и для себя, участники показывают спектакли друг другу и Мастеру.

Критики, вздумавшие было обсудить постановки с их создателями, наткнулись на стену недоверия и непонимания. Все внимали только Васильеву, все смотрели только на него и ждали только его. Атмосфера преклонения рождала смехные моменты: не было спектакля на фестивале, так или иначе не критикующего что-либо «из Мастера». Узнавались приемы, мизансцены, музыка из «Сен-со», «Взрослой дочери», «Шести персонажей...». Уильяме, как только Васильев не ужасался результатам своего воспитательного труда: тому, что все шестеро теперь именуют себя «учениками», го-

Из других гастролеров заслуживают упоминания американцы: по обмену со студией Олега Табакова — и не только в Москву, но и к нам — приехали молодые актеры с Бродвея. С лихостью, свойственной и молодежи вообще, и Бродвею — тоже вообще, они озаглавили свой спектакль «Пятерка теннисистов», что означает «Пять пьес Тенниса Уильямса — его поклонникам». Столь же легкой манеры (даже ушедшей вrole бы моде американизации) — и перевод одноактовых американского классика, выполненных специально для гастролей Василием Аксеновым — почти уже классиком, почти уже американцем.

Союз театральных деятелей продолжает презентацию теат-

Студия продолжает свои поиски в приближении к историческому наследию театра: новая постановка — тоже манифест другой эпохи и другого направления в искусстве — «Елизавета Бам» Даниила Хармса. Как бы еще и зритель так же безоглядно окунуться в пучину прошлого, превратившись в зрителей из тех, реконструируемых времен? «Умереть, уснуть и видеть сны...»

Вот театр-студия «Особняк», выступавшая в том же СГД со спектаклем «Сон о Вишневом сад» — ранее известным под названием «Звук смерти», — решительно и смело подвергает хрестоматийную пьесу трансформации, создавая на обломках старого текста — новых персонажей, новый сюжет, новый смысл... и трудно